

ПОЛЬКА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

ИЛИ

БАЛЪ У ТАЦОВАЛЬНАГО УЧИТЕЛЯ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Казимиръ Казимировичъ Прыгункевичъ, танцовальный учи-
тель.

Иванъ Ивановичъ Свистуновъ,

Евсейъ Авдѣичъ Морошка,

Савва Саввичъ Трескотухинъ,

Александръ Ефимычъ Скачковскій,

Марья Семеновна, жена Свистунова.

Варвара Андрѣевна, жена Морошка.

Елизавета Васильевна, жена Скачковаго.

Надежда Алексѣевна, жена Трескотухина.

Татьяна Проклонна Кубышкина, старая дама, теща Скач-
коваго.

Захаръ Кудимовичъ Толстяковъ.

Ванька, слуга.

1-й

2-й

} ученики Прыгункевича.

Гости и слуги на балѣ.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ богатую гостиную въ домѣ г. Скачковскаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Свистуновъ почти лежитъ на диванѣ, куритъ папироску и пьетъ кофе. **Трескотухинъ**, ходитъ скорыми шагами изъ угла въ уголъ. **Морошка**, сидитъ на противоположной сторонѣ, читаетъ газету и также прихлебываетъ изъ чашки.

Свистуновъ. Что ни говори, господа а всякое двуногое созданіе имѣетъ свои слабости. Вотъ, напримѣръ, я ужь какъ хотите, а послѣ хорошаго обѣда, смерть люблю вотъ этакъ — на полчасака протянуть ножки, и дать себѣ льготу прелесть! ничего не дѣлать! ни о чемъ не думать, презрѣть весь шаръ земной и даже забыть на полчасака супругу Марью Семеновну... просто наслажденіе! *(пуская изо рта дымъ).*

Трескотухинъ *(самъ съ собою).* Фу, какъ ни стараюсь слѣдовать предписаніямъ доктора, а съ друзьями на обѣдѣ, при всемъ моемъ несчастіи всегда, выйду изъ себя

и наѣмся, какъ чортъ знаетъ кто! *(расхаживаетъ по комнатѣ).*

Морошка *(читаетъ)*. Гмъ! Престранный, пренервительный характеръ у мароккаго султана.

Свистуновъ *(не слушая его)*. Какъ вѣдь это здорово, прелесть!

Трескотухинъ *(также)*. И самъ теперь чувствую что это мнѣ вредно, но что прикажите дѣлать? не могу остановить себя.

Морошка *(прихлебывая изъ чашки)*. Да, должно быть прехищный народъ—эти господа марокканцы. А? какъ вы думаете, Савва Савичъ? вѣдь посмотрите, рады, кажется съѣсть любаго человѣка.

Трескотухинъ. Да, Евсей Авдѣичъ! алчность губить много порядочныхъ людей, фу! ужь у меня это такъ въ природѣ, и Надежда Алексѣевна удерживаетъ меня отъ этой слабости, но видно ей не подь силу. Однако гдѣ же Александръ Ефимычъ? онъ послѣ сытнаго обѣда хотѣлъ еще насъ попотчивать какимъ-то пріятнымъ развлеченіемъ.

Морошка. Да, да, погодите, онъ точно что-то затѣвуетъ, да боится чтобъ намъ наши женушки не помѣшали, ну вотъ и хлопочетъ тамъ усадить ихъ всѣхъ около своей тещи и чѣмъ нибудь занять.

Трескотухинъ. А! значить онъ затѣвуетъ что нибудь секретное? Это я люблю. Однако что же это за затѣя? *(обращаясь къ Свистунову)* Иванъ Ивановичъ! ты вѣрно знаешь? а?

Свистуновъ *(самъ съ собою, выпуская часто дыма)*. Я знаю только одно, когда поѣшь, попьешь, воротишься домой, и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

Трескотухинъ. Да полно, братецъ, погружаться въ эту азіатскую нѣгу. Послѣ сытнаго обѣда полезнѣе всего сдѣлать хорошій моціонъ. Пойдемъ къ Излеру, я тебя обыграю на билиардѣ.

Свистуновъ. Нѣтъ, mon cher Александръ Ефимычъ

уходя къ тещѣ, шепнулъ мнѣ, что нынче предстоитъ намъ моціонъ другой, особенно пріятный: такъ надо поберечь себя и свои ножки. Эхъ, чудный малый этотъ Александръ, вотъ истинный другъ! живетъ отлично, всегда веселъ, кормить друзей удивительно, жена молодая и такъ интересна, такъ любезна, что чортъ возьми, я чуть съума не схожу отъ зависти.

Трескотухинъ. Неужли? такъ значить твоя Марья Семеновна, тебѣ рѣшительно надоѣла?

Свистуновъ. И—нѣтъ—не то что надоѣла, этого я не скажу, — а такъ черезчуръ ужъ приглядѣлась, ужъ не чувствуешь къ ней того—что называется влеченія—то, была хороша, а ужъ теперь Богъ съ ней, сигарка лучше.

Трескотухинъ. Слышите, Евсѣй Авдѣичъ? Вотъ какъ онъ варварски цѣнить свою милую обворожительную Марью Семеновну.

Морошка. Охъ, господа, вы опять таки начали объ этомъ чувствительномъ предметѣ. Полноте! По моему лучше ужъ читать о марокскихъ дѣлахъ, чѣмъ разсуждать о женахъ.

Трескотухинъ. Да помиуйте, онъ завидуетъ другому, а его жена—такое сокровище, что просто я бы отдалъ полжизни за одинъ ея нѣжный взглядъ! Ей-богу!

Свистуновъ. Впрочемъ, друзья не надо отчаяваться въ жизни надо привыкать и къ женамъ и ко всякимъ глупостямъ: тысячи мужей найдутся, которые еще и намъ позавидуютъ.

Трескотухинъ. Поэтому выходитъ, что Александръ Ефимычъ счастливѣе насъ всѣхъ составилъ свою карьеру.

Свистуновъ. Именно, онъ въ сорочкѣ родился, у меня давно зубы горять, глядя на его супружеское счастье.

Морошка. Ахъ! и у меня бы горѣли—да нѣтъ ужъ и рукой махнулъ! боюсь Варвары Андрѣевны.

Трескотухинъ. А! да вотъ онъ счастливецъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣже и Скачковскій.

Скачковскій (*съ досадою*). Что за несносная женщина! съ нею просто жить невозможно!

Всѣ. Вотъ тебѣ разъ, и онъ тоже!

Трескотухинъ. Какъ? и ты не доволенъ женой?

Скачковскій. Нѣтъ, не женой—а тещей! друзья мои! ради Бога, избавьте меня отъ этой сварливой старухи! Она у меня весь домъ вверхъ дномъ ставитъ! Что бы я не затѣялъ, она непременно помѣшаетъ! чего бы ни попросила жена, теща вмѣшается и разстроитъ! Ужасное положеніе! Какъ я завидую тому, у кого нѣтъ тещи! въ этомъ отношеніи, всякій мужъ счастливѣе меня!

Свистуновъ. Слышите, господа? ха, ха, ха! Значитъ у всякаго свое горе! (*встаетъ*). Представь же себѣ: а я сейчасъ только завидовалъ твоему счастью.

Трескотухинъ. А я, братецъ, какъ на грѣхъ сталъ завидовать блаженной долѣ Ивана Иваныча.

Морошка. А я завидую Саввѣ Савичу!

Скачковскій. Помилуйте, господа! что тутъ за шутки! помогите мнѣ лучше развязаться съ этой почтенной Татьяной Прокловной; докажите, что вы мнѣ истинные друзья.

Морошка и Трескотухинъ. Съ большимъ удовольствіемъ!

Свистуновъ. Да отчего у тебя съ ней такъ не ладится?

Скачковскій (*заглядывая въ боковыя двери*). Отчего! да можно ли тутъ ладить? теща моя просто—боюсь не подслушала бы—просто сатана въ двухъ-этажномъ чепчикѣ! Ей-богу! рѣшительно какъ змѣя отравляетъ все наше счастье! Вообразите себѣ: хочеть чтобъ я ужъ теперь съ женой жилъ совершеннымъ пустыннокомъ! есть-ли тутъ смыслъ?

Мы оба такъ молоды, хотимъ повеселиться, и именно сегодня сговорились было поучиться танцевать польку; ваши жены этому обрадовались, моя также, и вдругъ что же? варварская старушечья скупость Татьяны Прокловны разрушила всѣ наши планы. *(подражая голосу старухи)* Помилуй, батюшка! ты, кажется хочешь разорить и дочку мою и себя! Да кого ты въ Питерѣ удивить хочешь? И къ итальянцамъ—то катаешься и французовъ—то посѣщаешь и балы то задаешь, и отъ какой-то польки съума сходишь. Да еслибъ я это знала, да помилуй меня Богъ, да что ты это? *(своимъ голосомъ)*. Чортъ знаетъ, что за сварливая бабенка!

Свистуновъ. Э, шоп сшег, попадись на мои руки такая теща, я бы ей доказалъ какво имѣть дѣло съ молодымъ зятемъ.

Трескотухинъ. Да, я бы съ досады такую выкинулъ штуку, что она навсегда прикусила бы язычекъ.

Морошка. Резонъ! это зло вамъ надо пресѣчь въ самомъ зародышѣ, иначе, отъ нея вамъ житья не будетъ.

Скачковскій. Благодарю васъ за совѣты, друзья мои, именно я ужъ давно собираюсь свергнуть иго этой скаредной опекуниши. Хорошо же; я никогда не былъ сумасброднымъ, отчаяннымъ повѣсой, но если эта старуха выводитъ меня изъ терпѣнія, я пущусь на всякія глупости. Я теперь такъ взбѣшенъ, что—господа! хотите я съ горя велю бутылочку шампанскаго?

Всѣ. Прекрасно! очень рады!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и слуга, съ письмомъ.

Слуга. Баринъ! къ вамъ письмо по городской почтѣ.

Скачковскій. Хорошо! *(беретъ письмо)*. Подай бутылку шампанскаго! Живо! Отнынѣ что бы случилось все буду дѣлать на зло Татьянѣ Прокловнѣ! *(распечатываетъ)*

письмо и читая про себя, говоритъ) А! кстати! браво! какъ я радъ! чудесно! буду—непремѣнно, на зло тещѣ буду! *(обращаясь къ другимъ)* Ну, господа, кто хочетъ сегодня повеселиться вдоволь. Превдобрый случай.

Свистуновъ. Гдѣ? когда? сдѣлай милость! я готовъ!

Трескотухинъ. И я не прочь, лишь бы сдѣлать добрый моціонъ.

Морошка. Охъ, жизнь и мнѣ такъ наскучила, что я также радъ бы хотъ взглянуть на веселую бесѣду.

Скачковскій. Такъ слушайте же, вотъ чудесный случай потѣшить себя и отомстить моей скаредной тещѣ. *(читаетъ вслухъ)* «Любезнѣйшій, высокопочтеннѣйшій и добрѣйшій Александръ Ефимовичъ, ко мнѣ на дняхъ пріѣхалъ изъ Парижа добрый веселый пріятель, который въ совершенствѣ научилъ меня танцовать парижскую польку: Женатые и холостые господа все съ восторгомъ ухватились теперь за этотъ граціозный танецъ, а потому нынче по желанію многихъ учениковъ, я даю въ моемъ заведеніи для избранныхъ маленькій балъ. Если же кто, желая научиться, не хочетъ быть узаннымъ, тотъ можетъ явиться по маскараднему въ маскѣ. Предлагая свои услуги, остуюсь, вашъ бывший танцевальный учитель

Прыгункевичъ».

Свистуновъ. Bravo! ѣду, ѣду!

Трескотухинъ. Такъ и меня возьмите, я хочу сдѣлать моціонъ.

Скачковскій. Прекрасно! А вы, Евсѣй Авдѣичъ?

Морошка *(потирая руки)*. Охъ, хотѣлось бы и мнѣ растрясти горе супружеской жизни, да боюсь моей Варвары Андрѣвны—я ей всегда толкую о смиреніи и нравственности.

Свистуновъ. Какъ тебѣ не стыдно, братецъ! я ничего не боюсь!

Трескотухинъ. Полно! пойдемъ! вѣдь мы не ша-

лить, не кутить хотимъ, а учиться, сдѣлаемъ славный моціонъ.

Скачковскій. Разумѣется. Если намъ не даютъ поселиться у себя дома, такъ можно въ гостяхъ. А когда постигнемъ всѣ тайны этой польки, тогда ужь передадимъ и женамъ.

Свистуновъ. Да что долго толковать, онъ поѣдетъ.

Морошка. Право, боюсь, господа—вѣдь моя жена, вы не знаете что это такое.

Трескотухинъ. Да никто объ этомъ не узнаетъ, мы подъ масками сохранимъ инкогнито.

Скачковскій. Именно, именно—нарядимся всѣ и баста! *(въ это время слуга приносит шампанское)*. Выпьемъ скорѣе за будущіе успѣхи, и маршъ на ученье *(всѣ пьютъ)* Ванька! сію минуту безъ шума чтобъ была заложена коляска. Слышишь? бѣги!

Слуга *(ставя подносъ)*. Слушаю-сь! а куда изволите ѣхать?

Скачковскій. Не твое дѣло! Пошелъ!

Слуга. Слушаю-сь! *(убѣгаетъ)*.

Свистуновъ. Да здравствуетъ пріѣзжая полька! *(пьетъ и напѣваетъ мотивъ польки)*.

Трескотухинъ. Да! надо только хорошенько выкинуть въ нее, должно быть можно сдѣлать славный моціонъ.

Скачковскій. Да ужь парижане не даромъ отъ нея съума сходятъ—она тамъ рѣшительно во всѣхъ обществахъ свирѣпствуетъ ужасно! Не будемъ же терять золотого времени и теперь отправимся вмѣстѣ выбирать маски.

Свистуновъ и Трескотухинъ. Ыдемъ! ѣдемъ!

Морошка *(взявъ шляпу)*. Ну, Варвара Андрѣевна! стъ твоего русскаго характера, я ужь поневолѣ обращаюсь къ полькѣ. *(опомнись)*. Однако стойте, стойте, господа—чтобъ не вышло катаваси, надо распорядиться такъ, чтобъ жены не имѣли никакого подозрѣнія. Если мы уѣдемъ не сказавши, онѣ какъ разъ подымутъ исторію: куда

за чѣмъ? къ кому? на долго—ли? Лучше ужь придумать какуюнибудь важную, серьезную причину и сказать имъ.

Скачковскій. Такъ вотъ что: я думаю всего лучше увѣрить ихъ, что насъ вдругъ потребовали на службу.

Свистуновъ. Э! моя жена этому не повѣритъ! ей извѣстно, что мнѣ на службѣ не даютъ никакого дѣла, а лучше вотъ что: скажемъ, что у нашего столоначальника вдругъ будто бы сдѣлался пожаръ.

Трескотухинъ. Вотъ выдумалъ! а какъ онѣ всѣ захотятъ ѣхать съ нами смотрѣть, что тогда? вѣдь жены прелюбопытныя штуки! Нѣтъ ужь, лучше всего сказать имъ, что я боленъ и всѣ для компаніи отправляемся сдѣлать добрый моціонъ.

Морошка. Нѣтъ, нѣтъ, глядя на васъ Савва Саввичъ, онѣ вѣрно усомнятся, а можетъ быть также захотятъ отправиться вмѣстѣ.

Скачковскій и Свистуновъ. Такъ что же имъ сказать?

Морошка. Гмъ! позвольте—что бы такое почувствительнѣе? чтобъ эта полька насъ послѣ не посадила въ дураки. Ахъ, да вотъ предлогъ; помните, мы за обѣдомъ нынче говорили, что нашъ другъ и сослуживецъ Захаръ Кудимычъ Толстяковъ совсѣмъ умираетъ?

Всѣ. Да, да! помнимъ!

Скачковскій. Мы давно у него не были, и я завтра собирался навѣстить его.

Морошка. И не нужно. Мы лучше скажемъ, что ужь сегодня Захара Кудимыча похоронили, и что мы, какъ друзья и сослуживцы, помня его дружбу, дали торжественную клятву три вечера кряду посѣщать его могилу.

Всѣ. Bravo! романическая галиматья!

Морошка. Ну, да! прикинемся огорченными или восторженными друзьями, заговоримъ о грѣхахъ, о данной клятвѣ, да и отправимся изучать польку.

Скачковскій (*смотря направо въ дверь*). Прекрасно!

Ахъ! да вотъ и моя Лизанька зачѣмъ-то спѣшитъ сюда. Ну, господа, принимайтесь за комедію. *(Начинаетъ серьезно ходить по комнатѣ. Свистуновъ садится и начинаетъ платкомъ отирать слезы. Трескотухинъ въ углу вздыхаетъ громко, и задумывается. Морошка также садится и закрываетъ лицо объими руками).* Пожалуйста только не очень фарсите и не уморите меня своими гримасами.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Елизавета Васильевна.

Елизавета Васильевна *(весело)*. Александръ! Александръ! радуйся! мы почти уговорили маменьку, чтобы она позволила намъ сегодня танцевать. Пойдемъ къ ней, мой другъ, пособи намъ.

Скачковскій *(очень серьезно)*. Ахъ, душечка, оставь меня! маменька твоя самая сумасбродная женщина! Теперь ужь не до танцевъ, мы получили самое ужасное извѣстіе и всѣ поражены глубокою печалью! *(ходитъ по комнатѣ)*.

Елизавета Васильевна. Какъ! что такое? какое извѣстіе? *(осматривая встѣхъ)*. Что съ вами, господа?

Трескотухинъ. Ахъ!

Свистуновъ *(самъ съ собою печально)*. О! бѣдный другъ! Кто бы ожидалъ! Во цвѣтѣ лѣтъ, полный надеждъ и вдругъ! О! *(утирая слезы)*. Это ужасно!

Морошка *(подражая друиамъ)*. О, суета суеть! *(глядя на небо)*. Неужели мы всѣ тамъ будемъ?

Трескотухинъ. Прощай, Захаръ Кудимычъ! ты теперь навѣрно въ горнихъ селеніяхъ.

Елизавета Васильевна. Да что это значитъ, господа? Въ самомъ дѣлѣ всѣ какъ убиты!

Скачковскій. Ахъ, перестань пожалуйста! въ томъ то и бѣда, что мы еще пока существуемъ, а тотъ котораго

мы такъ любили... прощай! займи гостей; мы сейчасъ ѣдемъ.

Елизавета Васильевна. Что? ты ѣдешь, когда мы собираемся повеселиться? да объясни пожалуйста.

Скачковскій (*трагически*). Ахъ, не спрашивай! Я не могу привыкнутьъ къ этой мысли. Вообрази себѣ! нашъ другъ и сослуживецъ Захаръ Кудимычъ, о которомъ мы говорили за обѣдомъ... это ужасно!

Елизавета Васил. Ну, ну?

Скачковскій. Мы опоздали. Сейчасъ къ намъ пришло извѣстіе, что ужь сегодня его похоронили. (*закрываетъ лицо платкомъ*).

Елизавета Васил. Возможно-ли?

Скачковскій. Да, дружечекъ, и говорятъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Свистуновъ (*также*). Да, страшно! Не даромъ въ «Разбойникахъ» Карлъ Мооръ, говоритъ своимъ товарищамъ «смерть разить всѣхъ! инаго постигаетъ она на мягкомъ ложѣ, инаго въ пламени сраженія, инаго на колесѣ».

Морошка. Увы! а Захара Кудимыча смерть подкосила—на сѣнной!

Елизавета Васил. Ахъ, какое неожиданное несчастье! Такъ куда же ты теперь хочешь ѣхать.

Скачковскій. Куда? Ахъ, не спрашивай! мы въ отчаяніи, что не успѣли съ нимъ проститься, за то сейчасъ дали торжественную клятву исполнить послѣдній долгъ дружбы, то есть, три вечера кряду посѣщать могилу Захара Кудимыча!

Трескотухинъ, Свистуновъ и Морошка. Да, да, поѣдемъ.

Елизавета Васил. Какъ? что вы! вечеромъ на могилу? да это ужасно! Александръ! я тебя не пущу—ей-богу не пущу!

Морошка. Ахъ, матушка, въ этомъ—то и состоитъ вся

важность нашей клятвы. *(особо)* Боюсь, чтобы Варварушка не прибѣжала,

В с ъ. Да, да, поѣдѣте!

Свистуновъ. Ну, ну, такъ съ Богомъ! *(особо)* Тѣ хать, пока Марья Семеновна не появилась!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, Марья Семеновна, Варвара Андреевна и Надежда Алексѣевна.

Г-жи Свистунова, Морошка и Трескотухина. Что? что такое?

В с ъ мужья. Ну, всѣ нагрянули! *(всѣ садятся въ разныхъ мѣстахъ, притворяясь глубоко разстроганными)*.

Варвара Семеновна. Вечеромъ на кладбищѣ! да что вы помѣшались, господа, что-ли?

Елизавета Васил. Да, да. И знаете-ли отчего? отъ того, что сегодня похоронили ихъ друга Захара Кудимыча Толстякова.

В с ъ жены. Какъ? возможно-ли?!

Варвара Алекс. *(мужу)*. Такъ и ты рѣшился? Прощу покорно! да въ своемъ-ли ты умѣ, Евсей Авдѣичъ?

Морошка. Въ своемъ, Варвара Андреевна, хоть вамъ это и непріятно.

Варвара Алекс. Да вѣдь вы тамъ умрете отъ страха, Евсей Авдѣичъ.

Морошка. Ну, чтожъ? Вамъ же будетъ легче, Варвара Андреевна!

Марья Семеновна. Что ты мнѣ ни говори, какъ ты хочешь, а я право не вѣрю, чтобъ ты такъ разчувствовался. Я знаю, ты такой холодный эгоистъ, что вѣрно ѣдешь только подурачиться.

Свистуновъ *(притворяясь сердитымъ)*. Ахъ, матушка! ты ужь чортъ знаетъ какъ трактуешь меня! *(отходитъ)*.

Надежда Алексѣевна. Это ужасно! Такъ и ты точно ѣдешь на могилу, дружечекъ?

Трескотухинъ. Ёду, дружечекъ, ёду.—А ты проведи вечеръ здѣсь у Елизаветы Алексѣевны, или поѣзжай домой, какъ тебѣ угодно.

Варвара Андрѣевна. Ахъ какіе вы несносные господа! Вы все дѣлаете некстати, мы только было собрались потанцевать, а вы вотъ какъ будто нарочно затѣяли ночное романическое путешествіе! Вѣрно покойникъ не просилъ васъ къ себѣ въ гости.

Морошка. Варвара Андрѣевна, оставьте покойника въ покоѣ, — если вамъ это смѣшно, и если вы начинаете тревожить благородныя кости Захара Кудимыча, то мы ужъ лучше уйдемъ отъ грѣха. Богъ съ вами! Александръ Алексѣевичъ! ужъ смерклось.

Скачковскій. Ёду! ёду! Прощай же, мой ангелъ.

Елизавета Андрѣевна. Александръ!

Марья Семеновна. Ваничка!

Надежда Алексѣевна. Саввачка!

Варвара Андрѣевна. Хорошо же, Евсей Авдѣичъ! Я вамъ это припомню.

Мужья (*вмѣстѣ*). Хорошо! хорошо! до радостнаго свиданія! (*уходя говорятъ про себя*). Отдѣлялись!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, кромѣ мужей, потомъ Кубышкина.

Елизавета Васил. Это право ни на что непохоже.

Марья Семеновна. Оставить насъ и уѣзжать къ покойнику! Вотъ нынѣшніе мужья!

Варвара Андрѣевна. И какая крайность ѣхать именно вечеромъ?

Надежда Алекс. О, моему все равно, онъ готовъ на всякую глупость, лишь бы имѣть случай сдѣлать моціонъ.

Елизавета Васил. И Богъ знаетъ, для чего вдругъ умеръ этотъ Захаръ Кудимычъ? (*увидя входящую Кубышкину*). Ахъ, маменька, вообразите, какое несчастье! Захаръ Кудимычъ, о которомъ мы говорили за обѣдомъ, умеръ бѣдняжка и сегодня его ужъ похоронили.

Кубышкина. Ахъ, какъ жаль! вотъ не ожидала—дай Богъ ему царство небесное! Онъ былъ очень добрый человекъ, хорошій нашъ пріятель и все еще собирался жениться на моей двоюродной сестрѣ, а теперь—ахъ, бѣдняжка! (*одна за друіюю говорятъ скоро*).

Варвара Андреевна. Но это все еще не бѣда; вы не знаете главнаго: мужа-то наши, послѣ его смерти съ ума сошли!

Надежда Алекс. Да-съ, танцы наши не состоятся.

Марья Семеновна. Вы какъ будто знали, что до сихъ поръ не соглашались.

Елизавета Васил. Да, маменька, мы напрасно васъ упрашивали.

Кубышкина. Что такое? Я васъ не понимаю.

Всѣ. Представьте, мужа наши всѣ уѣхали! На всю ночь уѣхали!

Кубышкина. Что? что? уѣхали? Какъ, это что за новости? (*дочери*) Неужели и твой тоже?

Елизавета Васил. Да, и мой уѣхалъ, такой сумасшедшій.

Марья Семеновна. И мой негодяй!

Надежда Алекс. И мой любитель моціона!

Варвара Андреевна. И мой глупый тоже!

Кубышкина. Прошу покорно! да куда ихъ понесла нелегкая?

Жены (*вмѣстѣ*). На могилу Захара Кудимыча.

Кубышкина. Это что за вздоръ? Зачѣмъ же вы ихъ отпустили?

Жены. Нельзя было удержать, они дали клятву.

Кубышкина. Какую клятву? Кому?

Жены. Захару Кудимычу!

Кубышкина. Захару Кудимычу? Да вѣдь его ужь схоронили.

Жены. Въ томъ-то и горе, что схоронили! Еслибъ онъ былъ живъ, такъ этого бы не случилось.

Кубышкина. Ахъ, ты Господи! да что вы мнѣ всё какой-то вздоръ болтаете! Объясните толкомъ, что все это значить?

Надежда Алекс. Да это очень просто и понятно. Они всё дали клятву три ночи ѣздить на могилу къ покойному своему другу Захару Кудимычу.

Кубышкина (*сердито*). Три ночи? это зачѣмъ? Вы просто не умѣете владѣть своими мужьями! Я не знаю, когда вы научитесь, когда вы поймете эту простую науку? Я благодарю Бога, имѣла трехъ мужей и царство имъ небесное, ни одинъ про меня дурнаго слова не скажетъ. Вотъ какъ надо жить съ мужьями!

Жены. Нѣтъ, мы такъ не умѣемъ.

Кубышкина. Ну, такъ вотъ они и дѣлаютъ съ вами что хотятъ. Экая вѣдь глупость-то поѣхать ночью на кладбище!

Всѣ. Мы сами не знаемъ—скупа смертельная!

Кубышкина. Такъ хоть расскажите мнѣ подробности о смерти этого бѣднаго Захара Кудимыча. Ахъ, Боже мой! умереть тогда, какъ собрался жениться и жить весело, да что это съ нимъ вдругъ случилось?

Елизавета Васил. Мы ничего не знаемъ! Александръ, говорить: что будто покойникъ ужасно мучился.

Кубышкина. Немудрено—все думалъ вѣрно о моей двоюродной сестрѣ, бѣдняжка! Такъ ужь сегодня похоронили его?

Всѣ. Да-съ похоронили! (*садятся по разнымъ мѣстамъ*).

Кубышкина. Добрый былъ человекъ! Вѣчная ему память.